

ЕВГЕНИЙ БАТРАЧЕНКО

Спешу... Дело не терпит отлагательства: для публикации стихотворений в антологии Тарской поэзии, которая выйдет в августе 2022 года, нужно заключить с каждым автором (или его правопреемником) договор для соблюдения авторского права. Издатель непреклонен: «Нет договора – нет публикации!» Авторы – около сотни. С кем-то контакт уже давно налажен, кого-то удалось разыскать через соцсети. А вот поиск родственников ушедших из жизни поэтов подчас напоминает детективные истории. И на всё про всё у меня лишь несколько июньских дней.

...В моих руках тоненькая книжечка с музыкальным названием «Клавиатура», вышедшая в Омском книжном издательстве в 1990 году. На второй странице мелким курсивом: «Евгений Батраченко живёт в таёжном селе Мартюшёво. Его стихи широко печатались в Москве, Челябинске, Набережных Челнах и других городах».

Снова и снова листаю небольшую стопку материалов о Батраченко из фондов Литературного музея районной библиотеки, пытаюсь найти хоть какую-то зацепку. Тщетно! Всё, что известно о нём, – работал зубным врачом в сёлах Самсоново, Мартюшёво Тарского района. «А ты позвони в сельскую библиотеку», – советует мне коллега. Звоню в Мартюшёво, и выясняется, что родные Евгения Яковлевича уже давно переехали в Омск. Как их искать – непонятно... Расстроенная, кладу трубку. А через несколько минут – звонок от библиотекаря. Глава сельского поселения, к которому обратилась за помощью Антонина

Фёдоровна, передал мне номер телефона дочери поэта!

А дальше – звонки и переписка по ватсапу с Оксаной Евгеньевной. Так я узнаю, что после ухода из жизни Евгения Яковлевича его литературный архив, где были и материалы для публикации второй книги, дающей возможность поэту вступить в члены Союза писателей России, передали на хранение старшему брату Якову. Бумаги поместили в деревянный ящик, обернув для надёжности каким-то материалом. При непредвиденном стечении обстоятельств туда просочилась вода. Многое оказалось безвозвратно утраченным, кое-что удалось спасти. Мечталось заполучить этот «клад» в наш Литературный музей, но... в сентябре 2022 года не стало младшего сына Евгения Яковлевича, Бориса. Выяснилось, что незадолго до своей смерти он перепрятал уцелевшие отцовские рукописи, но где сейчас они находятся, родным пока неизвестно.

Отправила Оксане Евгеньевне на ватсап копию редакционного заключения Татьяны Четвериковой, редактора единственной книги Е. Я. Батраченко «Клавиатура». «Кроме профессионализма, своей незаёмной интонации меня привлекает умение Евгения Батраченко сказать чётко и ясно о самом сложном. Он, выражаясь его же образом, не приемлет “финты”, поскольку “для поэта – это не работа”. От желания прямоты и чёткости у Евгения Батраченко даже некоторая угловатость и резкость появляется:

Посланьем этим извещаю
(И это, друже, не слова),
Тебя недавно защищая,
Попал я сам под жернова.
У “мельников” хватило злости.
Но вышел форменный скандал:
Надеялись, что хрустнут кости,
А я им мельницу сломал.
(Спасённому другу)

Много у Евгения Батраченко и замечательных лирических стихотворений. Он

умеет без вычурности, хорошим русским языком передать самые тонкие чувства...»

А вот что пишет рецензент этой книги, поэт родом из Большеречья, чья жизнь тоже была неразрывно связана с медицинской, Владимир Макаров: «Диапазон его тем достаточно широк, в стихах – говорю это без всякой натяжки – видны черты сегодняшнего дня, виден человек сегодняшнего времени с его характерными заботами, трудами и радостями. И, повторяю, особенно симпатична сама личность автора с его жизнелюбием, активной позицией, с его умной ироничностью».

Из рекомендации прозаика, поэта и драматурга Николая Воронова, данной Е. Я. Батраченко для вступления в члены Союза писателей СССР (май 1990 года): «Дар поэтической естественности – не такой уж частый дар, особенно у наших стихотворцев, живущих постоянно под воздействием идеологических наркотиков. Евгений Батраченко наделён органическим видением жизни, похоже, не изменявшим ему во все времена, которые он захватил по возрасту и которые круто цепляли его. Так, по крайней мере, думаешь, прочитавши сборник стихотворений “Клавиатура”. Нет в сборнике умилительной сласти культовой монументальности, социально-космической лжемасштабности, а также отсутствует в нём грязебойная пальба по истории и чёрные дыры отчаяния, всасывающие без возврата наше прошлое, настоящее, грядущее. Органичность видения жизни, отражающаяся в поэзии, спасительна для личности, нации, для человечества, сегодня и завтра. Такое видение душа приемлет, ибо под напором разгула печатных страстей-мордастей, лишённых нравственности, добротолубия, духовного созидания, нуждается в том, чтобы сберечь чувство совести, жалости, красоты, чтобы осознать трагедию Природы и пока ещё зачлуженную в ней всеспасительность».

Добавлю – Оксана Евгеньевна была потрясена. Она признаётся, что родные мало

тогда понимали, какой талантливый человек, поэт жил рядом с ними.

А мы можем с уверенностью сказать, что стихи Евгения Батраченко по праву вошли в золотой фонд тарской поэзии. И юбилейная дата районной больницы – ещё один прекрасный повод напомнить землякам, что этот замечательный поэт жил, работал, творил на тарской земле.

Юлия Осинцева, старший научный сотрудник
Научно-краеведческого центра имени
А. А. Жирова Тарской центральной районной
библиотеки, соредактор антологии тарской
поэзии «Строкою к душам прикасаясь»

Врач¹

Хлопьями слетает пена с крупа,
А дороге нет и нет конца.
Старый врач в ушанке и тулупе
Гонит в ночь

орловца-жеребца.

«Ну, пошёл,

пошёл ещё немного...»

Он ворчит по-старчески

всерьёз,

Что метель забила все дороги,
И что снова дьявольский мороз.
О своём престиже не радея,
Не гнушаясь выездом в возке,
На сто вёрст прослыл

за чародея

От столичных клиник вдалеке.

И пройдя насквозь

хмельные пурги,

Где дороги – только наугад,

Четверть века

у стола хирурга,

От Москвы не требуя наград...
Сколько снега было,

сколько снега!

И опять – уже в который раз –

В города ответствует

коллегам,

Что не может выехать сейчас...

¹ «Врач»: [стихотворение] // Заря [Петухово]. 1965. [20–21] сент.

Сколько их таких
 в ночи блуждает,
Сколько глаз,
 глядящих на восток?
Ни на что они не променяют
Правоты и святости дорог.

Я в Болдино опять
 не загляну².
А там дубы роняют
 блёски капель
Дождя... И звон его,
 как острый скальпель,
На ломтики нарезал
 тишину.
Не хочется мне видеть,
 как народ
Случайный, средь
 действительно влекомых,
В улыбках мне
 до чёртиков знакомых
Снуёт по дому,
 пруд пытается вброд.
И умники, и просто
 дураки
Встают эффектно
 у портретов в позы,
Стирают с глаз
 невидимые слёзы,
Из Пушкина не помня
 ни строки.
Хранитель дома держит
 рыжих кур...
Почти два века
 ветры продохнули:
Поэтам, как всегда,
 хватает пули,
Но та была паскудной
 чересчур.
Что Пушкин мне?
 И что его венец?
Мне он не тот, которых
 рядом много —

Стреляли в сердце, в мир,
 стреляли в бога
И в Пушкина стреляли,
 наконец.
Теперь совсем не те
 года идут.

Но где-то,
 за невидимой завесой,
В приёмных ножкой
 шаркают Дантесы,
Мартыновы при галстуках
 живут.
Они всегда готовы,
 на часах.
И если надо —
 чаша перевесит:
Простое слово,
 как и прежде, — бесит.
А в Болдино скамья
 стоит в кустах.

Февральский лес. Сугроб
 разлётся важно³.
Тропинок нет. Я лезу
 напролом.
Снежок летит, такой
 пушистый, влажный.
И ветер спит, забравшись
 в бурелом.
Ты не сердись, что снегу
 очень много, —
Иди за мной, ступая только
 в след.
Мои следы — теперь твоя
 дорога
На очень много, очень много
 лет.
Я так хочу, чтоб ты
 всегда смеялась!
Пусть будет вдвое тяжелее
 мне.
Но чтоб тебе всегда легко
 шагалось,
Готов всю жизнь идти
 по целине.

² «Скамейка в Болдине» : [стихотворение] // Клавиатура : [стихи]. Омск, 1990. С. 22.

³ «Февральский лес...» : [стихотворение] // Клавиатура : [стихи]. Омск, 1990. С. 37.

А я живу мечтой единою:
Пройти свой путь всегда под ношею
И людям песню лебединую
Оставить самую хорошую.

Родина⁸

Звёзды превратились в невидимок,
Небо пахнет свежим молоком,
И заря крупиночки росинок
Слизывает рыжим языком.

Сказкой пахнут тёмные овраги,
А вдали – не низок, не высок, –
Как котёнок, встретивший собаку,
Выгнул спину маленький лесок.

Не мечтаю я о шумном чуде –
Вы мне чудо, милые места.
Самое большое в жизни люди
Родиной назвали неспроста.

Далеко-далёко⁹

По траве, сбивая росинки,
Я бреду вдоль окрестных сёл,
И луна блестит на ботинке –
Хоть гоняй её, как футбол.
Не могу ни уснуть спокойно,
Ни в глаза знакомым взглянуть.
Я хотел бы прожить достойно –
В ногу с веком пройти свой путь.
И не раз мне сердце кричало,
Начиная тревогу бить:
Что ты сделал, чтоб лучше стало
На земле трудолюбам жить?
Мне опять на ветру жестоком
В гулком поле встречать зарю.
Я иду далеко-далёко –
К наковальне... К богатырю.

⁸ [Евгений Батраченко : сборник стихотворений : самиздат].

⁹ [Евгений Батраченко : сборник стихотворений : самиздат].